

**МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОЭЗИИ
К. Л. ХЕТАГУРОВА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ФРАГМЕНТОВ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА**

И. В. Мамиева

В статье исследуется функционально-семантическая сфера и художественно-когнитивный потенциал ментальных глаголов, употребленных К. Л. Хетагуровым в сборнике «Ирон фандыр» («Осетинская лира», 1899) и примыкающих к нему текстах на осетинском языке. На основе лексико-семантического анализа прототипической глагольной лексемы зоны, доминантной в словаре языка сборника, и ее производных определены важные структурные компоненты когнитивного фрейма 'осуществление ментальной деятельности'. Очерчен состав номинативного поля ментальных глаголов с прямым и контекстным значением слов: конститутивные элементы отнесены к ядру и приядерному слою; номинации, эксплицирующие синонимические ряды дополнительных характеристик, – к области ближней и дальней периферии. В работе изложен опыт применения комплексного (лингво-литературоведческого) подхода к исследованию вербальных средств выражения мыслительных действий с использованием элементов этимологического, контекстуального и интерпретативного анализа. В основу организации материала лег метод структуризации семантического поля ментальных глаголов по признаку действие/состояние с различением трех аспектов ментальной сферы сознания: 1) мыслительных действий, цель которых – получение знания (процесс мышления); 2) мыслительных актов, свидетельствующих о результатах реализации ментальной способности; 3) ментальных состояний (статусность как результат предшествующих мыслительных действий) с указанием дифференцированной частоты их употребления. Делается вывод о том, что единицы ментального поля являются ключевыми и концептуально значимыми в анализируемых текстах Коста Хетагурова. Проблема рассмотрена под углом зрения антропного фактора в аспекте репрезентации фрагментов картины мира в художественном тексте, отражающих ценностно-мировоззренческие установки автора.

Ключевые слова: ментальные глаголы, состав, семантический объем, интегральная сема, ядро, приядерная зона, периферия, художественный текст, автор, герой.

Современные филологические науки все больше заостряют внимание на феномене ментальности, воспринимаемой как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [1, 81].

Объектом анализа в данной статье выступают глагольная лексика и ФЕв осетинской поэзии Коста Хетагурова, имеющие то или иное (прямое или косвенное) отношение к ментальной сфере. Предметом исследования являются когнитивные признаки ментальных глаголов и их функциональных эквивалентов с точки зрения лингвопоэтики и индивидуально-авторских стратегий словоупотребления. Означенный угол зрения предопределяет смещение фокуса интереса с чисто лингвистических проблем на область осмысления художественной функции авторской лексики в соотнесении ее с национально-культурным курсом эпохи.

Ставится цель – выявить и описать структуру семантического поля ментальности в поэзии К. Л. Хетагурова в ракурсах характеристики ценностно-мировоззренческих установок автора, воспроизведения существенных фрагментов создаваемой им картины мира.

Ранее нами были рассмотрены социально-культурные и образно-ассоциативные значения именных репрезентантов концепта *зонд'ум* в контекстах, указывающих на просветительно-народнические элементы в мировоззрении Коста [2]. Объектом специального исследования становились также особенности когнитивной оппозиции *ум/глупость* [3], поэтика ментального в текстах, основанных на фольклорно-мифологическом материале [4]. С аспектами заявленной темы отчасти пересекается и статья Л.Б. Моргоевой о контекстном варьировании внутренней семантики глагольных номинаций в осетинском языке [5].

В основу организации данного материала лег метод структуризации семантического поля ментальности по признаку действие/состояние с различением трех аспектов ментальной сферы сознания: мыслительные действия, цель которых чаще всего – получение знания (процесс мышления); мыслительные акты, свидетельствующие о результатах реализации ментальной способности; ментальные состояния (статусность как результат предшествующих мыслительных действий).

При семантической интерпретации отдельных лексических единиц использован соответствующий иллюстративный материал в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (ИЭС) В.И. Абаева [6], а также данные фразеологического [7] и двуязычных [8; 9] словарей.

Ключевыми среди корпуса глаголов интеллектуальной деятельности считаются лексемы «думать» и «знать», лежащие, по мнению ученых, в основе человеческой коммуникации и мышления [10]. Их взаимосвязь и взаимообусловленность очевидны: чтобы *мыслить*, надо *знать*, мышление – это оперирование знанием.

I. Метод сплошной выборки, применяемый в данной работе, высветил факт отсутствия в лексиконе «Осетинской лиры» («Ирон фæндыр») базовых глаголов, объективирующего динамичный признак мыслительного процесса – *хъуыды кæнын, сагъæс кæнын* 'думать', 'мыслить'; при всем том,

что неплохо представлена номинация ментального имени *сагъæс* 'дума', 'раздумье' (с оттенком печали, заботы, беспокойства)[3, 79].

Категориальная сема «*мыслительный процесс*» репрезентируется лишь периферийными глаголами спрофилированием признака:

– концентрация мысли на сопоставлении явлений или объектов действительности для обнаружения сходства/различия между ними или преимуществ одного перед другим: а) *барын* (2) 'сравнивать': 1. «Дæ номыл, дæ кадыл / Нæ барын мæхи...» («Ныфс»); 2. «Алырдæм дæр æй куы барай, / Ай нæ хуыздæр хос...» («Лæскъдзæрæн»); б) *æвзарын* (2) 'выбирать', 'перебирать [в мыслях]': 3. «– Цæй, ныр æвналон, – / Фæзæгъы халон, / Фæлæ та 'взары, / Цыхт дзыхы дары...» («Халон æмæ рувас»); 4. «Мæнæ æвзарæм, кæй уыд цымæ дзыллæтæй / Ацы сæры къуыдыр...» («Лæг æви ус?»); в) *уынаффæ кæнын* (1) в знач. 'рассуждать': 5. «Зæрдæхъæлдзæгæн / Уынаффæ кодта, / Йæхи фыдæнæн / Йæ цыхт нæ хордта» («Халон æмæ рувас»); г) *бæрæг кæнын* (1) 'определять', 'выяснить [в ходе размышлений]': 6. «<...> Чи уыд, кæд уый бæрæг кæнут æцæг, / Уæд уый ныр къаннæг сывæллон дæр базыдта...» («Лæг æви ус?»).

Текстовые цитаты отражают разные виды и степень интенсивности работы мысли, являющей собой не имеющий результативной направленности процесс. Высоким напряжением самореализации, подкрепленной интеллектом, отмечен «диалог», в котором постулирование просветительских идеалов происходит в рамках корректно выстроенной дистанции между представителями двух идеологий, двух эпох (1). Мысль в процессе ее созидания выступает как индикатор неспешности субъективных намерений и действий (3–6) или хитроумного расчета (2).

В содержательном, функциональном, а также в частотном плане наиболее репрезентативный элемент ментального поля поэзии К. Хетагурова – глагол *зонын* 'знать', теснейшая корнесловная связь которого с лексемой *зонд* 'ум' выявляется В.И.Абаевым [6, IV, 314]. Доминирование различных парадигматических форм данного глагола и его дериватов с большим диапазоном значений вполне очевидно (более 40 случаев употребления, в том числе в заголовочной – сильной позиции).

II. В границах категориальной семы «*Результат мыслительной деятельности*» семантикой словоформ прототипического глагола *зонын* и других языковых единиц, выражающих свойства ума и мыслительной деятельности, предопределяются вариации признаков:

– познания в какой-л. области: а) *базонын* (5) 'узнать', 'познать', 'разузнать', 'угадать', 'опознать': 1. «...Уæд уый ныр къаннæг сывæллон дæр базыдта, / Чиу, уый цæмæй фæчындæуы бæрæг!» («Лæг æви ус?»); 2. «...ма тæрс, æз мæ цардæн / Базыдтон æгъдау...» («Марходарæг»); 3. «Бакаст сæ чингуыты... базыдта се 'гъдæуттæ...» («Хетæг»); 4. «– Кæд цыппар фырты / Афæдзæн йæ куыст æрвитынц, – / Базон-ма сæ ды!» («Лæскъдзæрæн»); 5. «Нæ, – æз Хуыцауæй æндæр цыдæр курын... / Базон-ма, циу?» («Циу?»). В

приядерной зоне данному смыслу соответствуют формы глагольно-именной лексики социальной деятельности б) *сахуыр кæнын/уын* (2) в значениях: «передать кому-л./усваивать какие-н. знания, навыки»: б. «Азар!.. Сахуыр мæ кæ кувын!..» («Азар!»); «приучиться», «повадиться»: 7. «Къаннæг сывæллонæй / Сахуыр дæн сæфты хуыснæгыл» («Ахуыр»); на крайней периферии – глагол восприятия в) *бакæсын* (1) ‘присмотреться’ в знач. «внимательно наблюдая, понять/познать»: 8. «Мæрдты дуармæ дæ дæ цæст фæныкъулынмæ / Бахæццæ кæндзæн раст хураныгуылынмæ... Бакæс-иу ‘гъдаумæ!» («Уæлмæрдты»).

Показателем эффективности результирующего состояния ума здесь выступает глагол *базонын*, конкретизирующий в базовой части поля мыслиоттенки владения знанием: *знание-компетенция* – неосведомленности взрослых в целях обострения интриги противопоставляется мнимая информированность ребенка (1); *практическое знание* – активизируется значение «прийти к определенным выводам в результате собственного опыта», при этом за фальшью позитивного утверждения угадывается шлейф переживаний персонажа (Кота-«постника»), по всей видимости, неоднократно битого хозяйкой дома за разбой, ноне готового, тем не менее, что-либо менять в своем поведении (2); *духовное знание* – в этом случае включается более широкий диапазон понятий, связанных с постижением обычаев и нравов чужой страны, приобщением к ценностям другого народа, в том числе к иной религиозно-культурной традиции (3); *уровень скрытых смыслов* как катализатор глубины и остроты знания (4, 5). Семантические синонимы базового глагола репрезентируют разнополюсные формы обучения в их сопряжении с обыденным (житейским) опытом (6, 7); с проникновением в суть инопорядка (8);

– интуитивное познание со значением «прийти к пониманию, дойти до понимания чего-л.»: а) *базонын* (2) ‘постичь’: 1. «Хæрз дзæгъæл кæй зайын, / Уый базыдтон...» («Чи дæ?»); 2. «Уайтагъдсæ базондзæниуцæстæнгасæйдæр...» («Хетæг»). С ним пересекается контекстуальная семантика глаголов б) *бамбарын* (1) ‘понять’, ‘догадаться’, ‘осознать’: 3. «Бамбæрста хъуыддаг Чабæхан, Солтаны чызг, / Мардау ныффæлурс...» («Хетæг»); в) *æрæмбарын* (1) ‘образумиться’, ‘осознать’: 4. «– Ма хъыг кæ, – загъта Иналæн зæронд Солтан, – / Лæппу йæхæдæг æрæмбардзæн, ма тæрс!...» («Хетæг»); г) *бацамонын* (1) ‘указать’: 5. «...равзар дæхи фæндæй:

/ Бацамондзæн дын сæ хуыздæры зæрдæ...» («Хетæг»).

Тексты данного ряда объединены общим значением «мысленный “скачок” в процессе самостоятельного анализа событий и фактов» – непродуктивным в частотном отношении, но весьма эффективным в плане отражения психического состояния лирического героя. Так, в коротком речевом фрагменте двух старых друзей отметим объемность содержания, вложенного в слова утешения, в которых – характеристика Хетага как «человека разумного», способного переосмыслить и исправить свой просту-

пок (принятие иной веры), и уверенность в незыблемости устоев «религии предков» (4); мастерство отражения стрессовой мысли персонажей в момент внезапного осознания ими создавшегося безнадежного (1, 2) или щекотливого положения (3), построение метафоры «знающего сердца» (5). Понятие «понимание» здесь допускает наличие компонентов «знание» и «мнение», поскольку предполагает умственную активность субъекта, способность к аналитическому мышлению. При этом в структуре процесса понимания доминируют элементы, присущие операциям перцептивного восприятия;

– постижение чего-л. путем спланированных действий: а) *базонын* (2) со значением «разузнавание»: 1. «Ай мын цы ми кæны, уый куы нæ базонн!..» («Ахуыр»); 2. «– О Хетæг! Ма кæ-ма, ма хъаз мæ урс сæрæй, / Науæд та базонæм не 'цæг ныртæккæ...» («Хетæг»). В приядерной зоне номинативного поля искомым признаком представлен глаголом отражения деятельности со значением «проверка»: б) *бафæлварын* (1) 'проверить на опыте': 3. «Бафæлварут-ма гъе уыцы хорз миниуæг...» («Лæг æви ус?»).

Глаголы данной подгруппы объединены инвариантным показателем «получение информации из внешнего источника путем целенаправленной деятельности». Градация уровней и характера знания, выстраиваемая в данном ряде текстовых цитат, может быть показана следующим образом: проявление интереса к необычному (1), стремление выпытать правду (2), получение знания экспериментальным путем (3);

– определение значимости чего-нибудь (этичности, весомости, ценности): а) *базонын* (1) 'познать': 1. «Иртæст йæ дзыллæйæ, уайтагъддæр базондзæн / Фидиссаг цардæн йæ ад» («Салдат»). В приядерной части поля этот признак дифференцирован глаголом б) *равзарын* (3) 'выбирать', 'отбирать' в функции формирования мнения: 2. «Тæхуды, йæ дзыллæйы раз / Чи ракæны барджын ныхас, / Кæй фæрсынц, кæй равзарынц зондæй!» («Тæхуды...»); 3. «Хорз фосы дзугау дæ иумæ куы равзарид / Исчи йæ фарны хъæрæй!..» («Енæ фыййау»); 4. «Дыууæйæ дæр дын бар... равзар дæхи фæндæй...» («Хетæг»), глаголами ментальных способностей: в) *бакæсын* (1) 'прочитать (много)': 5 «Бакаст сæ чингуыты... базыдта се 'гъдæуттæ...» («Хетæг»); г) *ныффыссын* (1) в знач. 'воспроизвести': 6. «Чи ма сæ зоны? Кæд дæм сæ нæ ныффыссон, – / Ма мæ рахъаст кæ, мæ хæлар, мæ иубæстон...» («Уæлмæрдты»); д) *мысын* (1) в знач. 'сочинять': 7. «Аргъæуттæ мысы, / Хъал зæрдæйæ зары...» («Гино»), а также ФЕ, характеризующей сообразительность как признак ума: е) *дзырд дзырдмæ ссарын* (1) 'на [каждое] слово находить [ответное] слово': 8. «Кæд ды дзырд мæ дзырдмæ ссарай, – / Дæу фæуæд мæ фос!» («Лæскъдзæрæн»).

Исследуемые глаголы объективируют ценностные критерии жизни: честь и достоинство (1), лидерство как показатель интеллектуальной зрелости (2), акцентируют связь свободы и необходимости на уровне субъективных предпочтений (4) и в общенациональном масштабе – через меч-

ту-идею о пастыре-вожде, способном сплотить народные массы, научить критически осмыслять действительность, озаботиться своей судьбой, будущностью отчего края; при этом важнейшими концептуальными атрибутами лидерства выступают зрелость ума и владение «словом благодати» (3); демонстрируют безусловную значимость приобретения знания и навыков в процессе ментальной деятельности (5, 6), быстроты мысли на вербальном уровне как способе одержать верх над превосходящим по силам противником (8). Что касается глагола *мысын*, то

оттенок вторичного значения 'придумывать', 'сочинять' сообщает тексту, адресованному детской аудитории, характерное шутливое звучание (7).

В силу статичного признака глагол *зонын* относится к классу предикатов ментального состояния. Но в некоторых случаях происходит расширение его функционально-семантических свойств. При указании на длительность протекания состояния актуализируется процессуальный (временной) план ментальных действий, индуцирующий очевидно расхождение между лексической и аспектуальной семантикой глагола [11, 16]. В этом случае глагол *зонын* в составе категориальной семы «результат мыслительной деятельности» при дополнительной контекстной информации, в том числе при наличии наречия-модификатора *ныр дæр* «и ныне», способен осуществлять признак:

– анализируя ситуацию, затрудняться делать выводы: а) *зонын* (1) 1. «Куыд уыди йæ фыццаг? / Куыд разылд мæ сæр? / Куыд уыдзæн йæ фæстаг? / Нæ зонын ныр дæр...» («Чи дæ?»).

Через посредство ряда «нервных» вопросов, маркируемых глаголом знания с отрицательной семантикой, открывается состояние внутреннего мира человека. Неопределенность, растерянность, затуманенность сознания не позволяют ему в течение продолжительного времени прийти к логическому умозаключению по поводу начала и исхода любви; иначе говоря, логика результата мыслительного действия проигрывает здесь эмотивно-субъективным факторам восприятия и оценки (1).

Как и правильная оценка действительности, склонность к сомнению является одной из сторон думающего человека, ибо говорит о его способности к анализу, размышлению, рассуждению. Отсюда наличие на периферии поля ментальности ряда концептуальных признаков:

– разная степень уверенности в истинности представлений и высказываний, передаваемая лексико-фразеологическими единицами со значениями: а) *баууæндын* (1) 'поверить': 1. «Баууæнд мыл, о Инал...» («Хетæг»), доверия: б) *æууæнк нæ фæсайын* (1) 'не обмануть доверия': 2. «Се 'ууæнк нæ фæсайдтой, – хæстæн йæ астæуты / Размæ лæбурдтой сæ бæхтæ фæранктау...» («Хетæг»), сомнения: в) *фæдызæрдуг [уын]* (1) 'усомниться': 3. «Алчи фæдызæрдуг... Ай та цы диссаг у?.. / Хетæг ма искуы нæ ардта уæздан дзырд!..» («Хетæг»).

Глагол с признаком «недостачи» веры на бытовом уровне апеллирует к позиции разума, к идее генерирования доверия по умолчанию в целях поддержания и оценки глубины дружеских отношений (1); высокой степенью доверия, сопоставимостью слова и дела отмечена, наоборот, характеристика поведения молодых воинов на поле боя (2). В последнем из приведенных примеров (3) обратим внимание на внутреннюю структуру слова *фæдызæрдыг* (букв. «двусердие»). Перед нами отголосок восприятия древним человеком ментальных единиц как опредмеченных, физически существующих и нерасчлененных, т. е. единых в своей сущности. Отсюда наличие числового признака – «раздвоение» сердца в ситуации сомнения и приписывание ему функции ума в процессе выбора какого-либо решения. Сказанное укрепляет нас в мысли о том, что понятие «*зæрдæйы конд*» 'нрав сердца' в составе индивидуально-авторской фразеологии (стихотворение «Надежда») предпочтительней переводить как «склад ума», поскольку «аргументация говорящего апеллирует, прежде всего, к разуму, а не к чувству», к созидательной интуиции человека [3, 80].

– невербальные формы фальшивого поведения детализируются глаголами: а) *сайын* (1) 'обманывать', вводить в заблуждение с актуализацией процессуального (временного) плана действий: 1. «Кæуынæй кæй сайын?...» («Чи дæ?»); б) *фæсайын* (1) 'обмануть': 2. «Дудгæ фæбада / Зæйы бын нæ дарæг, / Мах чи фæсайдта!» («Сидзæргæс»); в) *афæливын* (2) 'обмануть': 3. «Афæлыфта мæ / Сауæрфыг рæсугд...»; 4. «Гъей чызгай, цæмæн / Афæлыфтай мæн?! («Фесæф!...»);

Отрицательное знание эксплицируется здесь в форме «свернутой» информации о драме обманутого доверия и краха надежд (1–4).

– неправильное либо субъективное понимание, профилируемое глаголами восприятия во вторичном, ментальном значении: а) *бакæсын* (2) 'поглядеть', 'глянуть' – с актуализированными семами 'понять', 'оценить'. 1. «Абон æм бакæс, – йæхи дын куыд сарæзта!» («Уæлмæрдты»); 2. «Бакæс, – хæрз сывæллон, афтæмæй алкæмæн / Хуры цæстау-иу ныррухс кодта зæрдæ...» («Хетæг»); б) *фæкæсын* (2) 'показаться'. 3. «Худæг фæкасти йæ хабар нæ хосдзаутæм...» («Лæг æви ус?»); 4. «Арфæ йын кодтой, лæвæрдтой йын нуазæнтæ, – / Афтæ тынг хорз сæм фæкасти йæ лæвар...» («Хетæг»). Ряд ментальных единиц обнаруживает значение мнения и оценки как динамичного состояния сознания, связанного с итогами предшествующей работы мысли: в) *фæрæдийын* (1) 'совершить ошибку, неправильно поступить, делая что-л.': 5. «Ай та æмгары хуыссæнмæ хъуызгæ цыди / Алы æнафоны... Гъе 'мæ фæрæдыди...» («Уæлмæрдты»); г) *фæсмон фæкæнын* (2) 'раскаяться': 6. «Рагæй мын «ацу» дæ цæстæнгас дзуры <...> / Ма фæфæсмон кæ!.. Хæрзбон у, хæрзбон!..» («Хæрзбон!...»); 7. «Фæсмон фæкæна, / Мæрдты дзыназа, / Дæу чи ныйæрдта» («Хъуыбады»); д) *фæсмонæй ныммæлын* (1) 'сильно сожалеть, раскаиваться (букв. умирать от раскаяния)': 8. «...Ныммæл мын фæсмонæй, / Ды искуы хæддзуйæ куы скæнай æлдар!..» («Катай»).

Лексические единицы, отнесенные нами к данному микрополю, акцентируют внимание на неких расхождении социального и духовного плана, как то: богатый погребальный наряд и нищенское существование при жизни (1); возраст ментальный и биологический («еще совершенный ребенок») (2), на вероятности искажения восприятия (3, 4). Для глаголов и фразеологизмов означенной микрогруппы характерна также семантика понимания-истолкования результатов недостойных поступков и действий (5), раскаяния и угрызений совести (6–8).

III. Сема *'ментальное состояние'* широкопредставлена предикатами знания с инвариантными элементами плана содержания, профилирующими ядерной части признаки:

– обладание и владение знаниями; дифференцируется в следующих значениях: «знание своего места/возможностей»; реализуется в составе идиомы: а) *бон зонын* (1): 1. «Зонд дæр хорз у, кад дæр хорз у, / Фæлæ зон дæ бон!» («Мыст æмæ тæрхъус»); «осведомленность относительно чего-л.» (чаще с отрицанием): б) *зонын* (7) в знач. 'знать/иметь понятие о чем-л.': 2. «Стонг æмгъуыд нæ зоны...» («Сидзæргæс»); 3. «...Тынгдæрæй тынгдæр-иу кодта сæ загъды хъæр, / Фидыд нæ зыдтой» («Уæлмæрдты»); 4. «Бирæгъ зыд кæй кæны, – / Чидæрид зоны» («Бирæгъ æмæ хърихъупп»); 5. «Мæгуыр лæг цы зоны?» («Хъазтæ»); 6. «Доны былмæ ма ныйирвæзт фыдбонтæй, / Ахауди дуртыл, – йæ мæлæт зыдта...» («Саг æмæ уызын»); б) «иметь, хранить в сознании какую-л. информацию о ком-, чем-л.»: 7. «Ам зымæг куы вæййы, уæд / Иу хъарм бæстæ зонын» («Цъиу æмæ сывæллæттæ»); 8. «Уыцы лæппуимæ рагæй кæрæдзийæн / Адджын уыдыстæм, – йæхæдæг æй зоны...» («Хетæг»). Семантический статус глагола *зонын* в указанном контексте может дополняться на периферии поля признаком «приобретение ментальных способностей», выраженным глаголами: в) *ахуыр кæнын* 'учиться' в субстантивной форме (2): 9. «...Ахуыр кæнынмæ бæллын» («Скъолайы лæппу»); 10. «Ахуыр кæнынмæ йæ Хърымæ куы арвыстой, / Бафтыд уæд иу грекъаг беримæ Хетæг...» («Хетæг»); г) *фæкæсын* (1) в знач. 'систематично упражняться в чтении': 11. «Фæкæсын / А-бе-тæ...»; *фæфыссын* (1) 'систематично упражняться в письме': 12. «Фæфыссын / Бе-ве-тæ...» («Скъолайы лæппу»).

Лексические и фразеологические единицы указанных подгрупп участвуют в выражении категорий знания как фиксации определенных сведений (7), свойств и ощущений, связанных с пониманием, осознанием-происходящего (6). Знанию сопутствуют также модусы мнения и оценки; при этом четких границ между смежными ментальными категориями нет, так как эксплицируемые ими характеристики взаимообусловлены и переходят одна в другую. Они проступают в сатирическом заострении идеи уразумения границ своих возможностей (1), в характеристике лишенной согласия супружеской жизни (3), не признающего отсрочек беспощадного голода (2), в этически и социально окрашенных акцентах (4, 5), в исполнен-

ной достоинства исповедальности речи (8); в просветительской идее обучения грамоте как начальной ступени к знаниям, демонстрации безусловной значимости приобретения умений и навыков в процессе ментальной деятельности (9–12);

– индивидуальная интерпретация объектов и явлений окружающего мира и степень ее адекватности реальному положению вещей; детализируется глаголом а) *зонын* (2) с оттенком значения 'находиться в курсе чего-л.', 'понимать': 1. «Зонин, æфсæрмæй кæудзыстут», 2. «Зонин, æргæвддыстут исты...» («Зонин»). Семантическим синонимом выступает в приядерной зоне глагол б) *нымайын* (3) 'считать', 'полагать', 'иметь мнение': 3. «Ыстур дæр ма йæхи рæгъау / Нæ нымайы кæйдæр хъомыл...» («Æхсины лæг»); 4. «Иу кæркдон хъæуыл нымайы / Къулыбадæг ус!..» («Лæскъдзæрæн»); 5. «Мах ын йæ рæстæг Мамайы рæстæджимæ / Иумæ нымайæм нæ хохаг нымадæй...» («Хетæг»). Данный признак может быть дополнен глаголом восприятия во вторичном, ментальном значении, обусловленном контекстуальной ситуацией оценочного содержания: в) *кæсын* (3) 'казаться': 6. «...Дунейы хæртæй хуыздæр мæм куы кæсид / Уарзондзинад!..» («Æй, джиди!»); 7. «Хивæндмæ дæ уайдзæф / Худæгау кæсдзæн...», 8. «Ахæм цард дæумæ дæр / Худинаг кæсæд» («Уайдзæф»). Семантические единицы, выраженные фразеологизмами, также обозначают разного рода оценки и мнения (положительные / отрицательные, рациональные / эмоциональные): г) *æрдумæ нæ дарын* (1) 'не брать в расчет', 'не принимать во внимание', 'не считаться': 9. «Æрдумæ нæ дары / Нæ фыдæлты кад...» («Хъазтæ»); д) *фарсласæн кæнын* (1) 'выказывать несправедливое отношение', 'проявлять пристрастие по отношению к кому-л.': 10. «Адон-иу фарсласæн сабийæ таубимæ / Кодтой сæ мæнг ардæй...» («Уæлмæрдты»).

При всей субъективности природымнения, которое не всегда поддается проверке, в его возникновении и принимают участие операциирассудка, ощущения, восприятия, а следовательно оно базируется на некоей почве. Когнитивные механизмы мнения и оценки в приведенных выше примерах объективируются разноаспектно, с опорой на различные содержательные характеристики: на уровне подключения к процессу познания родовой и исторической памяти (5); конкретизации социального зла, запечатленного в позорном явлении прислужничества (3); на пересечении «боли и бесславия нации» с поэта собственной болью. Ментальные предикаты знакомят нас при этом с различными типами мнения: предположение (1, 2), ложное полагание (4), уверенность (3, 5), намерение (6). Семантика глаголов ментально-эмоциональных состояний манифестирует в данной подгруппе соответствие или несоответствие объекта/субъекта оценки нормативному идеалу, эталонному поведению, ценностным ориентациям (7, 9, 10). Определению истинности мнения и оценки способствует семантика укоризны (8): Медведь наставляет на ум неисправимого Волка, ставит себя ему в пример как образец достоинства и воздержания

в пище. Притчевая стратегия авторского дискурса проявляется через элемент экспрессивной концовки. В пылу поучений Медведь намеревается сказать: «Я даже зимой не ищу уже скотины следов», но, спохватившись (зимой медведь залегает в берлогу), обрывает фразу на полуслове. Так раскрывается резонерство басенного персонажа Коста, лицемерность его увещеваний.

Приведенные примеры – фрагменты характеристик языковой личности персонажей – аллегорических и «реальных» фигур. Для нас особый интерес представляет та часть ментальной лексики, которая принадлежит картине мира самого автора. В стихотворении «Если бы...» («Æй, джиди!») это, например, позиционирование абсолютного приоритета гражданских интересов перед личными, – того, что в современных исследованиях определяется как результат усвоения творческой личностью теории «неоплатного долга» народу. Шкала ценностей лирического «я» имеет завершением утверждение любви в духе христианской добродетели – как высшего всечеловеческого блага и как заключительной ступени в процессе самосовершенствования мыслящей личности (6) [2, 214];

– неопределенность знаний: а) *зоньин* (1) в значении 'отсутствие твердой веры', 'сомнения в ком-н., в чем-н.': 1. «...Нæ фыдæлтæ чи сты, / Нæ зоньыс, сæрæй?» («Хъазтæ»). В приядерной зоненоминативного поля данный уровень знания представлен ментальными единицами, реализующими значение веры и сомнения: б) *уырнын* (1) 'верить': 2. «Йæ бонæй уа зæрдæ, / Куыд хивæнд у, куы! / Зæгъ-ма йын: æвзæр дæ, – / Уырны йæ, бæгуы!» («Чи дæ?»); в) *зæрдæ æхсайын* (1) в знач. 'сомневаться': 3. «Чызджы дзырд фехъуыстай... Ма 'хсайæд уымæ æппындæр дæ зæрдæ...» («Хетæг»).

В данной подгруппе с семой 'ментальное состояние' глагол знания *зоньин* обнаруживает очередной, обусловленный контекстом, семантический сдвиг (значение полагания). Ключевым в вопросно-ответной форме диалога «несовместимости языков», выбранной для демонстрации гусиной спеси и невежества, является сочетание означенного глагола с вводным словом *сæрæй* 'по-видимому', 'очевидно', 'должно быть', которое используется автором для усиления мнения, находящегося в стадии формирования. Аллегорические персонажи Хетагурова, усомнившись в осведомленности путника-чужеземца относительно величия их предков, тем самым дали возможность раскрыться басенно-притчевой стратегии автора в полную силу; суть ее – в русле крыловской традиции – в высмеивании амбиций, не подкрепленных собственной значимостью, в осуждении философии паразитизма (1). Предикаты, рассмотренные с позиций выражения семантики *предположения*, как бы представляют собой «фазу проверки гипотезы в мыслительном процессе» [12, 184]: отсутствие достаточных оснований для восприятия того или иного суждения/обстоятельства как достоверного может подвергнуться сомнению (2, 3);

– предположительность, неточность знаний, эксплицируемая спо-

щью вводных элементов предложения с компонентом «зонын»: *чи зоны* (2) 'возможно': 1. «Чи зоны, искуы æрæфта дæ зæрдыл / Иунæджы сагъæс, магуыры бæллын...», 2. «Чи зоны, искуы куы уайа дæ цæстыл – / Узал æхсæвы фæндагыл мæлын...» («Хæрзбон!..»); *Хуыцау æй зоны* (1) 'Бог ведает': 3. «Кусы та... Хуыцау æй зоны, / Цас ма йæм фæци...» («Лæскъдзæрæн»), *æнхъæл дæн* (1) 'кажется': 4. «Сыстади, æнхъæл дæн, Михел» («Нæуæгбон»). Прочитанные примеры, характеризующие зыбкость сведений субъекта высказывания, содержат допущение (1, 2), неизвестность (3), неуверенность (4).

Элементы понятийной составляющей мыслительной деятельности, вербализованные лексемой «зонын», несколько отдаленные от прототипического (исходного) центра, отнесены нами к приядерной зоне номинативного поля и представлены значениями:

– знание-знакомство: *зонын* (2) профилирует факультативный признак «знать лично кого-л.»: 1. «Ныхасы бады / Зæронд Хъуыбады, – / Нæ йæ зоныс, цы?...» («Хъуыбады»); 2. «...урс æвзист тæрхæгыл / Баддзысты базтыл / Иннæ æртæ лæджы... / Де'мбал сæ хорз зоны» («Уæлмæрдты»);

– знание-умение: *зонын* (5): 1. «Нæ дын зыдтон, цы, / Тын уæрдын, тын уафын...» («Чи дæ?»); 2. «Нæ рагон фыдсыл / Нæ зоны бæгуы!»; 3. «Æххæст ма зарын / Куы зонис, уæд дæ / Паддзахæн дарын / Фæразид зæрдæ...» («Халон æмæ рувас»); 4. «Рагон нæртон лæгау зарын куы зонин...» («Рагон нæртон лæгау...»); 5. «Ме 'взæр фæндыр æй куыд зона, куыд арæхса, / Афтæ дын дзурдзæн нæ Хетæджы кадæг...» («Хетæг»).

В приведенных примерах речь идет об обладании практическими навыками, умении применять на опыте те или иные знания в различных областях – ткачества и валяния из шерсти (1), пения и музицирования (3–5), искусства лести (2). Градуирование признака синонимической пары 'знание-умение' («куыд зона, куыд арæхса») наглядно демонстрируют костаевские строки: (5). Для сравнения: связь между умом и умением, отложившаяся в глубинном этимологическом слое языка, характерна и для славянских народов [13, 162]. Как полагают, умение первоначально предполагало «интеллектуальную, когнитивную процедуру понимания, приобретения знания ('сначала понимаю, как сделано, устроено') и только потом – умение как практический навык, опыт» [14, 181]. Другими словами, категория ума в древности соотносилась с умением должным образом использовать накопленный жизненный опыт и знания, а отсутствие ума – с отсутствием опыта в чем-либо вообще, неимением каких бы то ни было полезных навыков и способностей.

Однако гораздо больше внимания в поэтическом дискурсе Коста Хетагурова уделено навыкам ораторского мастерства, искусству владения словом, – тому, что в паремиях интерпретируется как способ овнешнения ума: «*Зонды дуар дзых у*» 'дверь разума – уста'; «*Æвзаг – зондæн тæлмац-гæнæг*» 'речь – уму переводчик'; «*Разагъды ныхæстæн – раззагъды лæгтæ*» 'славным (мудрым) речам – достославные мужи' и т.п. Высоким даром

красноречия обладают древний старец-посвяtitель коня из поэмы «На кладбище», Биаслан из поэмы «Хетаг», искусно поведавший слушателям о ратных новостях и особых заслугах в бою младшего брата. Признаком 'сакральность слова' имплицитно наделен даже фандыр, которому в облике певца-сказителя поэт Коста Хетагуров передоверяет акт повествования о своем легендарном предке (5). Информация о том, что автору самому доступно таинство нераздельности мудрой мысли и способов ее вербализации, содержится в басне «Упрек». Поэт выводит себя в образе волка, который, сполна владея ораторским мастерством («Арæхстджын – дзыхæй...»), предпочитает все же действовать силой. Иносказание отсылает нас к конкретным фактам биографии Коста, свидетельствующим о его, как он сам пишет, «неисправимости» в вопросе

борьбы с самодержавным произволом [15, 279].

Важное место в системе познавательных процессов отводится **памяти**, а потому в ментальной концептосфере поэзии К. Хетагурова глаголы, эксплицирующие этот признак, отличаются высокой рекуррентностью и несут важную функциональную нагрузку. Обозначая процесс хранения или утраты какой-либо информации, они тесно смыкаются с глаголами знания и объективируют как статуальные, так и результирующие признаки:

– сознание как хранитель знаний и опыта. В данной подгруппе лексем ментального поля глаголом а) *зоныни* его производными (5) репрезентируются различные аспекты феномена памяти: «узнавание(в т. ч. по внешнему виду)», «воспроизведение»: 1. «Чысыл ма йæ зонын / Мæ фыды... Хæмæт...» («Чи дæ?»); 2. «Ма тæрс, мæ хуры хай, – / Дзуры мæм, – базыдтон, чи у» («Ахуыр»); «хранение информации»: 3. «Уырдыгæй фалæмæ зоны дæ фæндæгтæ Хуры фырт» («Уæлмæрдты»); в) «забывание»: 4. «...Ничиуал зондзæн мæ цырт» («Зонын»); 5. «Чи ма сæ зоны? Кæд дæм сæ нæ ныффыссон, – / Ма мæ рахъаст кæ...» («Уæлмæрдты»).

Со значением глагола *зонын* по типу синонимической корреляции пересекается ядерная лексема категории «память» б) *мысын* (3) 'вспоминать', 'думать о ком- или о чем-н. с тоской', в основе которой, по предположению В. И. Абаева [6, II, 144] лежит иран. *man* 'думать': 6. «Тæхуды, æрæгвæззæджы / Хъæлдзæгæй æнкъард рæстæджы / Йæ рагуалдзæг хорзæн чи мысы...» («Тæхуды...»); 7. «Даргъ хæххон зымæг / Уалдзыгон бонау / Ныр æрымысын / Æз фынфенæгау...» («Фесæф!...»); 8. «...Мæстджынæй, æнкъардæй / Мæ сæнттæ мысын...» («Чи дæ?»). В приядерной зоне мотив памяти-забвения развивают ментальные глаголы и их производные: в) *рохуын* (3) 'быть забытым': 9. «Иу бон æгъгъæд у мысынæн, / Иу бон кæндзыстут мæ дзырд, / Уый фæстæ ферох уыдзынæн...» («Зонын»); 10. «Афыцын æфсоны / Байрох уа сæ хæрд...» («Сидзæргæс»); 11. «...Ноджы кæсын, æмæ уæртæ йæ тæккæ раз / Ферох кæмæйдæр йæ хызын...» («Ахуыр»); г) *рох кæнын* (4) 'забы[ва]ть': 12. «О, о! – бирæгъ загъта, – / Ма рох кæ дæ дзырд...» («Уайдзæф»); 13. «Райсом мæ цæстæнгас ферох кæндзынæ, / Ферох кæндзынæ иннæбон

мæ ном...» («Хæрзбон!...»); 14. «Урс нымæтты бануæрстой / Сæртæ; гом дуар ферох кодтой» («Мой æмæ ус»). На периферии номинативного поля кластер памяти необходимо дополнить семантическими синонимами-фразеологизмами с компонентом «сердце», репрезентирующими признаки концептосферы интеллектуально-эмоциональной деятельности: д) *зæрдыл æрæфтын*(1) 'вспомнить, прийти на ум': 15. «Чи зоны, искуы æрæфта дæ зæрдыл / Иунаджы сагъæс, мæгуыры бæллын...» («Хæрзбон!...»); е) *зæрдыл дарын*(1) 'помнить': 16. «Мæ зæрдыл дæ дарын цы ныфсæй фæразон, / Мæ райгуырæн бæстæ...» («Катай»).

Профилируемые глаголами данной подгруппы характеристики охватывают различные стороны мнемической деятельности: аспекты памяти индивидуальной (2–3, 5), семейной(1), исторической/народной (4). Глаголы приядерной зоны связаны с «памятью сердца» о несогретой родительским теплом «весне жизни» (6), превратностях юношеской любви (7, 8). С болью и горечью раскрывает лирический герой алгоритм утраты памяти о нем любимой девушкой (13). Касательно приведенных примеров уместно говорить о таком нюансе памяти, как эмоциональное мышление, находящееся под влиянием чувства, настроения. Образ памяти длиною в один день создается в стихотворении «Знаю»; обостренное звучание теме стремительной утраты сведений обушедшем из жизни человеке придают глаголы-градуаторы, их скученность в пространстве одной фразы. На шкале градации они выглядят следующим образом: недолго вспоминать – забыть – не знать (9). Но так не должно быть, память потомков обязана быть благодарной. И поэт горячо утверждает эту мысль всем строем другого стихотворения «У гроба», посвященного подвижнику на ниве культурно-просветительской деятельности М. З. Кипиани. Ее же с затаенной надеждой записывает он на обороте собственной фотографии: «Чи мæ фехъуса, уый мæ кæд бамбарид, чи мæ бамбара, уый мæ кæд нæ ферох кæнид». Еще один ракурс освещения темы памяти связан с сатирической интерпретацией данного вида познавательной способности человека (11, 14). Сюда же отнесем обыгрывание автором содержания известной пословицы («Чидæр бирæгъæн æмбисæндтæ хаста, уый та афтæ – ауадз мæ, уæлæ сæгъ фæлидзы») и выстраивание на ее основе сценического действия с динамичным финалом, обнажившим неуспех «воспитательных» усилий Медведя-наставника (12). Лишь единожды признак 'забывчивость' под пером художника обретает конструктивный смысл, и это связано с темой «святой лжи»: затягивая процесс приготовления «еды», мать сирот уповает на то, что сон сморит ее детей раньше, нежели в котелке вскипят камни-«бобы». Но за призрачной надеждой бедной вдовы маячит грозная фигура Голода, не признающего отсрочек (10). Метафорические конструкции памяти транслируют чувство сердечной привязанности к девушке, не отвечающей лирическому субъекту взаимностью(15); в другом случае – к родине, «добровольно» и «доверительно» вручившей свои права «пришельцу-притеснителю» (16).

Итак, мы рассмотрели базовые семантические классы предикатов ментальной сферы – глаголы мышления, знания, памяти. На основе лексико-семантического анализа прототипической глагольной лексемы *зоньн*, доминантной в словаре языка Коста Хетагурова, и ее производных нами определены структурные компоненты когнитивного фрейма 'осуществление ментальной деятельности'. Очерчен состав номинативного поля ментальных единиц (прямые и контекстные значения слов): конститутивные элементы отнесены к ядру и приядерному слою; номинации, эксплицирующие синонимические ряды дополнительных характеристик, – к области ближней и дальней периферии.

Проведенный анализ позволил прийти к выводу о концептуальной значимости ментальной лексики в поэзии Коста Хетагурова. Передавая широкий спектр характеристик персонажей, их мыслительных действий, состояний (духовный, поведенческий облик), она способствует раскрытию индивидуальных граней личности самого автора, его ценностно-мировоззренческих установок, в конечном счете – воспроизведению важнейших фрагментов запечатленной им художественной картины мира.

-
1. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 361 с.
  2. Мамиева И. В. Лавровский «след» в осмыслении К. Л. Хетагуровым проблемы интеллигенции и народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 137–142.
  3. Концепты умственной сферы в творчестве К.Л. Хетагурова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 1. С. 75–83.
  4. Мамиева И.В. Номинативно-метафорическое поле концептов УМ и БЕЗУМИЕ в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова. // Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. №5. С. 429–438.
  5. Моргоева Л.Б. Контекстное варьирование внутренней семантики глагольных номинаций в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2019. № 33 (72). С. 63–72.
  6. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 448 с.; Т. IV. Л.: Наука, 1989. 326 с.
  7. *Дзабиты* З. Ирон æвзадзы фразеологион дзырдут. Цхинвал: РХИПИ, 2003. 446 с.
  8. Ирон-уырыссаг дзырдут. 5-æм рауагъд / Зонадон ред. Гуыриаты Т. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2004. 540 с.
  9. Русско-осетинский словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. В.Абаев. М.: Сов. энциклопедия, 1970. 583 с.

10. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
11. *Станкевич В.Л.* Ментальные глаголы в русском языке: состав, структура, семантический объем (в сопоставлении с белорусским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991. 28 с.
12. *Гибатова Г.Ф.* Мир мысли в русских предикатах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С.182–192.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
14. *Дзюба Е.В.* Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. №3 (79). С. 175–187.
15. *Джусойты Н.Г.* История осетинской литературы. Кн. 1 (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.

Mamieva, Izeta V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia), dzirasga@mail.ru

MENTAL VERBS IN K.L. KHETAGUROV'S POETRY AS MEANS OF REPRESENTING THE FRAGMENTS OF THE AUTHOR'S WORLD IMAGE

Keywords: *mental verbs, composition, semantic volume, integral seme, nucleus, circumnuclear zone, periphery elements, literary text, author, character.*

The article explores the functional-semantic sphere and artistic-cognitive potential of the mental verbs used by K.L. Khetagurov in his anthology «Iron Fandyr» («Ossetian Lira», 1899) and the adjoining Ossetic texts. Based on the lexico-semantic analysis of the prototypical verb lexem “zonym”, which is dominant in the dictionary of the anthology language, and its derivatives the important structural components of the cognitive frame ‘exercise of the mental activities’ are defined. The structure of the nominative field of mental verbs is outlined (direct and contextual meanings of words): the constitutional elements are classified as the nucleus and nearby layer; the nominations which make synonymic rows of additional characteristics explicit, – to the area of near and far periphery. The paper outlines the experience of applying a comprehensive (linguo-literary) approach to the study of verb means of expression of thought actions, including the elements of etymological, contextual and interpretive analysis. The material organization is based on the method of structuring the semantic field of mental verbs on the basis of action/station with the distinction of three aspects of the mental sphere of consciousness: 1) cognitive actions, which purpose is to obtain knowledge (process of thinking); 2) the cognitive acts confirming results of mental ability realization; 3) mental conditions (a stasis as a result of the previous cogitative actions) with the indication of the total and differentiated frequency of their use. It is concluded

that mental verbs are key-note and conceptually significant in Kosta Khetagurov's poetry. The problem is considered from the point of view of the anthropic factor in the aspect of representation of fragments of the image of the world in the literary text, reflecting the axiological and worldview attitudes of the author.

REFERENCES

1. Kolesov, V.V. «Zhizn' proiskhodit ot slova...» [«Life comes from the word...»]. St. Petersburg, Zlatoust, 1999. 361 p.
2. Mamieva, I.V. *Lavrovskiy «sled» v osmyslenii K. L. Khetagurovym problemy intelligentsia i naroda* [P. L. Lavrov's Trace in K. L. Khetagurov's Understanding of the Intelligentsia and People's Problems]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2016, no. 3, pp. 209–217.
3. Mamieva, I.V. *Kontsepty umstvennoi sfery v tvorchestve K. L. Khetagurova* [Concepts of the Mental Sphere in K. L. Khetagurov's Works]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2017, no. 1, pp. 75–83.
4. Mamieva, I.V. *Nominativno-metaforicheskoe pole kontseptov um i bezumie v fol'klornykh syuzhetakh «Osetinskoy liry» Kosta Khetagurova* [The nominative and metaphorical field of the concepts 'mind' and 'insanity' in folklore plots of 'The Ossetian Lyre' by Kosta Khetagurov]. *Vserossijskie Millerovskie chteniya* [All-Russian Miller Readings], 2016, no. 5, pp. 429–438.
5. Morgoeva, L.B. *Kontekstnoe var'irovanie vnutrennei semantiki glagol'nykh nominatsii v osetinskom yazyke* [Context Variation of Internal Semantics of Verbal Nominations in the Ossetian Language]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 33 (72), pp. 63–72.
6. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [A historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vol. II, Leningrad, Nauka Publ., 1973, 448 p.; Vol. IV, Leningrad, Nauka Publ., 1989, 326 p.
7. Dzabity, Z. *Iron ævzadzhy frazeologion dzyrduat* [Phraseological Dictionary of the Ossetian language]. Tskhinval, Printing industry unity of the Republic of South Ossetia, 2003. 446 p. (in Ossetian).
8. Guriev, T.A. (editor) *Iron-uyryssag dzyrduat. 5-æm rauag»d*. [Ossetian-Russian Dictionary. 5-th edition]. Vladikavkaz, Alanyston, 2004, 540p. (in Ossetian).
9. *Russko-osetinskii slovar'. 2-e izd., ispr. i dop. Sost. V. I. Abaev* [Russian-Ossetian Dictionary. 2nd edition. Compiled by V.I. Abaev]. Moscow, Soviet encyclopedia, 1970, 583 p.
10. Vezhbitskaya, A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and language descriptions]. Moscow, Russian culture languages, 1999, 780 p.

11. Stankevich, V.L. *Mental'nye glagoly v russkom yazyke: sostav, struktura, semanticheskii ob'em (v sopostavlenii s belorusskim yazykom)*[Mental verbs in Russian language: composition, structure, semantic volume (in comparison with the Belarusian language)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Minsk, 1991. 28 p.

12. Gibatova, G.F. *Mir mysli v russkikh predikatakh* [The Thought World in Russian Predicates]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo ped.universitetaim. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2010, no 124, pp. 182–192.

13. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t.: Per. s nem. 2-e izd., stereotip.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols]. Moscow, Progress, 1987, Vol. 4. 864 p.

14. Dzyuba, E.V. *Osobennosti sodержaniya kontsepta «um» v yazyke Drevney Rusi* [The features of the concept 'mind' in the language of Old Russia]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2010, no. 3 (79), pp. 175–187.

15. Dzhusoyty, N.G. *Istoriya osetinskoy literatury. Dooktyabr'skiy period. V 2-h kn.* [History of the Ossetian literature: the pre-October period. In 2 books]. *Kn. I (XIX vek)* [Book 1 (XIXth. century)]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1980, 332 p.